

*Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым*

*Для широкого круга читателей
Оқырмандардың кең ауқымына арналған*

16+

Азука Лионера ПОЦЕЛУЙ ЛЬДА И СНЕГА

Заведующий редакцией *Сергей Тишков*
Ответственный редактор *Ольга Кузнецова*
Технический редактор *Наталья Чернышева*
Художественный редактор *Анна Ярыгина*
Корректор *Надежда Лин*
Верстка *Андрея Копай-Горы*

Подписано в печать 18.01.2022 г. Формат 84×108/32
Печать офсетная. Гарнитура OriginalGaramond BT. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации.

Дата изготовления: 2022 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1,
комн. 705, пом. I, этаж 7

Наш электронный адрес: WWW.AST.RU. E-mail: ask@ast.ru

Интернет-магазин: book24.ru

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Өндіруші: ЖШҚ «АСТ баспасы»
129085, Мәскеу қ., Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс,
705-бөлме, I жай, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: ask@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz. Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-
талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Тауар белгісі: «АСТ» Жасалған күні: 2022.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!

https://vk.com/ast_mainstream

https://www.instagram.com/ast_mainstream

<https://www.facebook.com/astmainstream>

Кулак врезается мне в лицо, и на мгновение я вижу мерцание звезд.

— Сконцентрируйся! — гремит голос тренера. — В настоящем бою ты был бы уже мертв.

Покачав головой, я вытираю рот тыльной стороной ладони. К счастью, крови нет. Мама бы не обрадовалась, если бы мне выбили зуб. Затем я снова сосредоточиваюсь на своем оппоненте.

Не повезло же мне сражаться с принцем. Все в нашем отряде бояться вытянуть его в жеребьевке, но от этого никуда не денешься. Сегодня неудачником оказываюсь я.

Льет как из ведра, и тренировочная площадка все больше напоминает грязевую яму, что не улучшает моего настроения. Тем не менее я возвращаюсь на позицию, не обращая внимания на холодный ветер, который треплет промокшую рубашку, пронизывая до самых костей.

Принц практически на голову выше меня. До прошлого года он был одним из самых маленьких в нашей группе, а потом резко вытянулся. Мы буквально могли видеть, как он растет. Но он стал только выше, но не мощнее. Моя спина гораздо шире его, а руки сильнее. Если бы я захотел, то одним ударом мог бы выбить из него дух.

Как назло, мне это не позволено.

Никто не борется с принцем всерьез, потому что от этого зависят наши жизни.

Так что я стою, замерший под дождем, и позволяю себя избивать.

Я уже бесчисленное количество раз пытался объяснить нашему тренеру, что обучался как наездник, а не как боец в кулачных боях. К сожалению, он считает, что мы должны защищаться без оружия, если дело дойдет до драки.

Едва принц замахивается, чтобы нанести удар, я знаю наверняка, что на этот раз он целится мне в живот. У меня предостаточно времени, чтобы уклониться, но я только напрягаю мышцы.

Принц Эсмонд кривит рот и выдыхает. Надеюсь, теперь он ударит меня в лицо, тогда я смогу притвориться, что потерял сознание, и прекратить этот чертов фарс.

Вместо этого он кладет руку мне на плечо, притягивает ближе и бьет коленом между ног.

Яркие точки пляшут перед глазами, и, задохнувшись, я падаю. Мои товарищи, наблюдающие с края ринга, сочувственно шипят. С трудом поднимаю взгляд и вижу ехидную ухмылку Эсмонда. Это становится последней каплей. Я вскакиваю на ноги, не обращая внимания на боль внизу живота, и, забыв, кто передо мной, бросаюсь на него. Эсмонд, озадаченный такой переменой, реагирует слишком медленно. Я пробиваю его наспех выставленную защиту и наношу удар за ударом.

Уже после четвертого он падает на землю. Он лежит, вытянувшись во весь рост в грязи. Я смотрю на него сверху вниз.

— Ты прекрасно знаешь, что я не стал бы сопротивляться, — рычу я. — Почему дерешься так подло? Ты бы победил и так.

— Леандр, — предупреждающе рывкает тренер. — Ты говоришь с будущим королем.

Я кривлю рот.

— Помилуйте Огненные земли, если он станет королем.

Мои товарищи ахают, но никто не осмеливается упрекнуть меня. Мы все думаем одинаково. Эсмонд слишком мягок и легковверен, чтобы стать хорошим королем. Особенно в такие времена, когда земельцы постоянно нападают, грабят и убивают в приграничных областях, продолжая продвигаться вперед. Нам нужен сильный король, воин. Человек, за которым солдаты пойдут в бой, не задумываясь, что будет дальше. Но мальчик передо мной никогда не вырастет таким мужчиной, если с ним так и будут носиться как с писаной торбой.

Наш тренер первым берет себя в руки, бросается ко мне и хватает за воротник.

— Ты в своем уме, мальчик?

Я рывком освобождаюсь от его хватки.

— Это правда. Вам это известно, как и остальным. Из него никогда не выйдет короля, если мы изо дня в день так и будем без сопротивления позволять ему нас избивать.

— Если король узнает...

— Нет, — бормочет Эсмонд, поднимаясь на ноги. Грязь липнет к его брюкам и рубашке. — Мой отец ничего об этом не узнает.

— Но... — продолжает тренер.

Резким движением головы Эсмонд прерывает его и делает шаг ко мне. Я с изумлением смотрю на протянутую мне ладонь.

— Ты Леандр? — спрашивает он, когда я нерешительно беру его за руку. В любую секунду я ожидаю подлости. — Спасибо тебе.

— За что? — спрашиваю я.

— За то, что относишься ко мне как к одному из вас.

— Я... не понимаю.

— Я здесь для того, чтобы учиться, — отвечает Эсмонд. — При дворе Пламени меня окружают подхалимы и льстецы, исполняющие все мои желания. Никто мне ни в чем не отказывает. Но я не могу расти как личность, когда меня окружают подобные люди. Потому я и захотел принять участие в тренировках оруженосцев. Но до сих пор... — он беспомощно пожимает плечами, — я не стал одним из вас.

Я пытаюсь осознать его слова. Будучи сыном лорда, которому принадлежит небольшой, но прекрасный участок земли, я с малых лет играл с детьми из деревни. Я никогда не чувствовал себя изолированным. Вот почему мне сложно представить, как живет Эсмонд. Это жизнь без ограничений, где каждое его желание читается по глазам.

— Если ты хочешь быть одним из нас, ты должен пойти сегодня вечером в Браннвин, — говорю я, пожимая его руку. — После такой мокрой тренировки нам нужно съесть что-нибудь теплое.

На губах Эсмонда появляется осторожная улыбка.

— Я не против присоединиться к вам. Прости, что пнул тебя.

Я отмахиваюсь.

— Я забуду об этом, если вечером ты сможешь выпить больше меня пива.

— Договорились.

Тренер вздыхает.

— Вы, парни, слишком молоды для игр с выпивкой...

* * *

С тех пор Эсмонд стал одним из нас. Мы перестали видеть в нем принца. Он был простым тринадцатилетним, почти четырнадцатилетним, парнем, как и остальные, кто проходил обучение в оруженосцы, чтобы впоследствии стать рыцарем.

С каждым днем наша дружба становилась все крепче. Мы могли прочесть мысли друг друга, когда встречались взглядами, и стали непобедимой командой в тренировочных боях. Я всегда говорил правду, и Эсмонд был благодарен мне за это.

Когда его отец неожиданно умер и он в юном возрасте унаследовал корону, Эсмонд назначил меня и других парней из нашей группы своими ближайшими советниками.

Шли годы, большинство моих друзей отходили от дел, чтобы жениться и начать заботиться о своих имениях. Мы виделись только по особым случаям, и тогда мне приходилось выслушивать их насмешки. Хоть и высказывали они их из лучших побуждений.

— Леандр! — приветствует меня Бальдвин, когда наше подразделение собирается при дворе Пламени по случаю пятилетней годовщины коронации. Как обычно, он так энергично хлопает меня по спине, что я делаю шаг вперед. — Ты все еще крутишься здесь, при дворе?

Чувствую, как дрогнула моя фальшивая улыбка. Быстро хватаю кружку и оставляю его вопрос без ответа. Должно быть, до него дошли слухи.

— Ты знаешь Леандра, — к нам присоединяется Ансельм. — Поклонник лошадей до мозга костей. Женщина, которая хочет привлечь его внимание, должна приехать на белом коне.

— Хм-м, — бормочет Бальдвин. — В этом что-то есть. Я опускаю пиво.

— Поищите кого-то еще, кого сможете изводить, — ворчу я. — Зал полон. Почему каждый раз ваша жертва — я?

— Потому что ты наилучший вариант, — усмехается Ансельм.

За эти годы он поправился на несколько килограммов. Я слышал, что его жена великолепно готовит.

Не то чтобы я когда-то бывал у него. Тем не менее его озорная улыбка постоянно напоминает мне, сколько проблем у нас было из-за него. Девушки толпами бегали за ним, а нам приходилось его прятать. В то беззаботное время, когда мы еще были вместе.

Теперь у всех них своя жизнь — кроме меня.

— Кто-то должен позаботиться о короле, — бормочу я в свою кружку. — А поскольку вас больше нет здесь, эта задача возложена на меня.

Намекнув на их нечистую совесть, я избегаю дальнейших насмешек и надеюсь, что спокойно переживу остаток вечера.

— Ты уже видел его? — спрашивает Ансельм заговорщическим тоном. Видя мой вопросительный взгляд, он добавляет: — Портрет его невесты.

Я качаю головой.

— Эсмонд не показывал его никому, даже мне.

— Только я нахожу это странным? — интересуется Бальдвин.

Втайне я с ним согласен, но держу свое мнение при себе. Я последний друг Эсмонда здесь, при дворе. Благодаря ему у меня есть работа. Я не откажусь от этой привилегии так же легко, как мои товарищи.

ЛЕАНДР

ПРИМЕРНО ДВУМЯ ГОДАМИ ПОЗЖЕ...

Пол скользкий, мягкий от крови. Один неверный шаг, и я провалюсь в коварную грязь и глубины земли, из которых нет пути обратно. Медленная, бесславная смерть.

Я перестал считать, в скольких битвах сражался. Иногда одна следовала за другой, иногда между ними была пауза в несколько месяцев, в течение которых, однако, я не находил покоя, и дни плавно перетекали из одного в другой.

Мне говорят, что я должен радоваться, когда мне не нужно сражаться, что я должен наслаждаться жизнью. Но как это сделать, если каждый мой вдох кажется большой ошибкой? Если я чувствую вину перед всеми?

Может, на этот раз я обрету покой, которого ищу годами. Славная смерть в бою — вот чего я хочу. Меч в руке — одно целое с телом. Я повелеваю смертоносным оружием так, будто оно часть меня. Позади слышится топот бесчисленных копыт, я еду во главе отряда — как всегда. Моя верная кобыла Элора слепо подчиняется моим указаниям и без колебаний устремляется вперед. Немало земельцев попадают под ее копыта. Остальные знакомятся с моим мечом.

На протяжении многих лет мы, огненный народ, сражаемся против земляного. Даже старейшины не могут вспомнить причины, по которым началась война. Она все идет и идет. Никаких переговоров, никаких соглашений, никаких предложений мира. Ни одна из сторон не уступает другой. Какими бы выдающимися ни были наши победы, Земли продолжают сопротивляться. Даже сейчас отряд, который они послали к нам, смехотворно мал.

— Командир! — ревет, перекрывая шум боя, один из моих людей.

Я вытаскиваю меч из врага, достаточно глупого, чтобы решить сражаться со мной, и поворачиваюсь в том направлении, откуда раздался голос. Дико жестикулируя, солдат указывает на гребень холма у нас за спиной. На мгновение кровь застывает у меня в жилах. Этот ничтожный отряд был всего лишь диверсией! Позади нас ждут их основные силы.

— Соберитесь! — кричу я изо всех сил.

Всадники рядом со мной передают приказ остальным. Мои люди хорошо обучены. Они тут же реагируют. Мы выстраиваем новую линию атаки из конницы, прикрывая пеших солдат. Элора взволнованно бьет копытами, в то время как жеребец сбоку от нее танцует на месте.

Враги на гребне холма издают боевой клич, но не смеют приближаться.

— Как только они спустятся с гребня, — рычу я, — мы загоним этих ублюдков обратно.

Солдаты мрачно кивают. Все мы знаем, что почва здесь может преподнести неприятные сюрпризы. Несколько раз мне приходилось наблюдать, как хорошие парни исчезали на своих лошадях в зыбучих песках или расщелинах скал, и больше их никто не видел.

— Лучники, — приказываю я. — Огонь!

Наши стрелы уверенно попадают в цель. Некоторые земельцы в панике скатываются с холма — и тут же их поглощает мягкая почва.

— Идиоты, — рычит всадник. — Думали, мы попадемся на эту древнюю уловку?

Скрытые ловушки земельцев — единственная причина, по которой мы до сих пор не захватили эту проклятую страну. В прошлом мы много бились и заплатили за это высокую цену. С тех пор мы сражаемся только в тех битвах, где под нашими ногами твердая земля.

Все больше и больше людей спускается с холма, избегая определенных участков.

— В атаку! — кричу я, когда наш противник добирается до подножия гребня.

Всадники кавалерии устремляются единой линией вперед, но я должен признать, что земельцы яростно бросаются на нас. Вместо того чтобы спастись бегством, они сталкиваются с нами, атакуют наших лошадей, сбивая на землю людей.

Не знаю, скольких я затоптал. Десять? Двадцать? Пятьдесят? Слишком много, чтобы запомнить их лица. Они сливаются друг с другом, а я действую автоматически. Размахиваюсь и колю мечом вражеские тела, направляя Элору прямо по упавшим земельцам.

Уже садится солнце, когда я вытаскиваю клинок из тела врага. Моя одежда покрыта грязью и кровью, и Элора испачкана по самое брюхо. Я едва справляюсь с тем, чтобы вложить оружие в ножны. Судорожные движения, руки еле шевелятся, я с трудом держусь в седле.

Я не присоединяюсь к победному крику моих людей. Смотрю на солнце, смотрю, как оно исчезает за гребнем холма.

Еще один день, который я пережил.

Еще одна ночь, которую я как-нибудь переживу. Я жив и все еще дышу, потому что смерть снова меня пощадила.

Но, в отличие от солдат, я не в восторге от этого.

Я оставляю их праздновать, а сам ухажу, чтобы помыться и почистить свою лошадь.

— Сколько битв нам еще предстоит выстоять, прежде чем все закончится? — бормочу я, обращаясь к Элоре.

Мы выиграли. Я могу сообщить моему королю и лучшему другу весть об очередной победе, но не чувствую никакой радости, только пустоту. Независимо от того, сколько земельцев я убью, моя жажда мести требует все больше. Возможно, мне повезет и в следующей битве я встречу равного противника, который избавит меня от страданий.

— Командир Леандр, — раздается за моей спиной.

Плавным движением я вытаскиваю меч из ножен и приставляю к горлу новоприбывшего. Солдат — молодой парнишка не старше шестнадцати — смотрит на меня широко открытыми от ужаса глазами.

— П-пожалуйста, простите меня, — бормочет он. — Я н-не хотел...

Я выдыхаю и убираю меч.

— В чем дело?

Он наблюдает за мной с безопасного расстояния.

— Мы... нашли следы.

— Следы?

Он кивает.

— Земельцы верхом. Они... пересекли границу.

Я извергаю проклятие и отворачиваюсь. Одной рукой поглаживая шею Элоры, я бормочу:

— Прости, моя девочка, но этой ночью мы не найдем сна.

ДАВИНА

Бежать! Продолжать бежать!

С каждым ударом сердце сильнее бьется о мои ребра, так что я боюсь следующего. Но еще больше я боюсь того, что будет, когда они схватят меня...

Фыркание их лошадей все ближе, а грубые выкрики приказов всадников звенят у меня в ушах.

Я заставляю себя двигаться дальше и, игнорируя возмущенные протесты тела после небольшого отдыха, начинаю бежать. Все глубже и глубже я забираюсь в незнакомый, заросший кустарником лес в надежде, что смогу скрыться от своих преследователей.

Неподалеку ветки с хрустом ломаются под весом лошади. Мое сердце на мгновение замирает, чтобы затем забиться с головокружительной скоростью. Я практически чувствую горячее дыхание на шее.

Я не смею обернуться и посмотреть, как близко на самом деле подобралась ко мне преследователи. Понятия не имею, сколько их, но слышу приказы, которые они время от времени выкрикивают лающими голосами. Язык земельцев звучит жестко и равнодушно, что идеально подходит этим низшим созданиям.

Кто-то хватается за волосы. В первый момент я надеюсь, что зацепилась за ветку, но потом кто-то тащит меня назад. Я кричу из-за паники. А еще от боли

и ужаса. Спиной я врезаюсь в дерево, и это выбивает весь воздух из моих легких. Удар столь сильный, что, боюсь, я могла сломать что-то.

Темные точки мелькают перед глазами, и я зажмуриваюсь. Но я не должна сдаваться... Если не продолжу бежать, они достанут меня... В шоке я пытаюсь встать на ноги, но ничего не удается. Земля необычайно мягкая. Мои мышцы протестуют при любом, даже самом слабом, движении.

— Ты, наверно, думала, что сможешь сбежать от нас, — доносится до меня низкий мужской голос. Я слышу сильный земельский акцент, но мне трудно сфокусировать взгляд на говорящем. Все кажется таким размытым, будто я пытаюсь разглядеть дно озера сквозь толстый слой льда.

— Никому не сбежать от нас. Рассказывай, где она! И тогда, девочка, может быть, мы пощадим твою жизнь.

Я поднимаю голову. Даже от такого движения сквозь меня проносятся волны боли, но я сжимаю зубы, чтобы не произнести ни звука.

Мужчина сидит на огромном, угольно-черном боевом коне, который нервно бьет тяжелыми копытами. Сам человек не так впечатляет, как его скакун. Как большинство земельцев, он невысокого роста. Его ноги едва дотягиваются до стремян, и я не удивлюсь, если ему нужна лестница, чтобы вообще забраться в седло.

Мой взгляд мечется из стороны в сторону. Еще один воин, тоже верхом. А где остальные? Их было пятеро, если я не ошибаюсь.

Пятерых воинов хватило, чтобы прикончить нас одного за другим.

Мы чувствовали себя в безопасности, в конце концов, после двух недель путешествия мы почти достигли столицы. День, когда мы бы добрались туда, должен был стать радостным днем. Не для меня, а для других. Но я была бы счастлива за них и улыбалась.

Но теперь не осталось никого, кому я должна была улыбаться.

Воин упирается пятками в бока коня, так что тот делает шаг вперед. Я быстро подтягиваю ноги к груди и обхватываю их руками, чтобы не попасть под сокрушающие копыта.

— Я спрошу тебя еще раз, — рычит он, и его акцент становится отчетливее. — Где принцесса?

Я презрительно фыркаю.

— Вам нужна принцесса, а вы тратите свое время на меня? Откуда мне знать, где она? В последний раз я ее видела, когда вы напали на нас.

Крупница радости растворяется в панике, бушующей внутри меня. Она, должно быть, сбежала. Надеюсь, остальные не идут за ней по пятам...

Когда земелец заставляет коня подойти ближе ко мне, я вскакиваю на ноги и прижимаюсь спиной к стволу дерева. Взгляд, которым он окидывает меня, вызывает у меня тошноту. Я судорожно сглатываю, чтобы подавить поднимающийся к горлу желудочный сок.

— Наш король будет недоволен, если мы не приведем ему принцессу, как было приказано, — бормочет воин, видимо, собираясь с мыслями, в то время как его взгляд задерживается на моем лице.

Я вскидываю подбородок.

— У вас нет короля! Только выскочка, играющий в правителя.

Он приподнимает бровь.

— Опасные слова для такой красивой штучки, как ты.

— Я не боюсь тебя, — я вкладываю в эту ложь как можно больше уверенности.

— Нет? — От его улыбки у меня мурашки по коже. — Но ты должна. Наш король будет недоволен, но... думаю, я смогу успокоить его, если вместо этого приведу ему служанку из Ледяного королевства. Только мы должны

заранее отрезать тебе язык, так как ты, очевидно, не можешь держать его в узде.

Я делаю вид, что неприкрытые угрозы не могут причинить мне вреда. Однако внутренне содрогаюсь от страха. Не нужно много воображения, чтобы представить, что со мной будет, едва я стану рабыней в Земном королевстве.

Я бросаю пронзительный взгляд на воина и его товарища, стоящего позади.

— Не смейте прикасаться ко мне, иначе...

— Иначе что? — усмехается первый. — Если бы ты была одной из волшебниц, ты бы уже давно заставила нас оледенеть. Нет, ты обычная служанка. И с сегодняшнего дня ты будешь служить нам.

Прежде чем успеваю прошипеть «Никогда!», я слышу топот копыт. Кровь у меня в жилах тут же замирает. Они, наверное, нашли их... а теперь догоняют своих товарищей. Я могла бы сбежать от одного. От двоих, возможно, с помощью богини. Но от троих или целого отряда? Исключено!

Я беспокойно оглядываюсь в поисках выхода. Но куда ни глянь, кругом незнакомый лес.

Лошадь и всадник приближаются. «Он один, — думаю я. — Значит, они ее все-таки не нашли? Или, может, она?..»

Всадник не снижает скорости даже после того, как видит нас. Вместо этого одним плавным движением вытаскивает меч. Я задерживаю дыхание. Такая реакция заставляет земельца повернуться. Он на мгновение замирает, а потом рычит своему товарищу что-то, чего я не понимаю.

Однако предупреждение доходит слишком поздно до второго земельца. Одним чистым ударом ему отсекает голову. Я зажмуриваюсь. Часть меня благодарна, что сраженный мужчина больше не может кричать.

Сегодня я слышала слишком много предсмертных криков...

Когда меня грубо хватают за руку, я открываю глаза. Земелец выскользнул из седла, и теперь лезвие его меча приставлено к моей шее. Он обхватывает меня рукой, зажимая мне рот. От его близости и запаха влажной, затхлой земли и пота, который он источает, я почти задыхаюсь.

— Ни шагу ближе! — кричит он мужчине. — Или малышка будет дышать через дырку в горле!

Я бы с удовольствием рассмеялась. Как будто это остановит его! В конце концов, я ни разу в жизни не видела этого человека. Ему все равно, если я...

К моему удивлению, как истинный рыцарь, он выскользывает из седла и кладет окровавленный меч на землю. После, подняв руки, отступает на два шага.

— Как ты можешь видеть, я безоружен, — говорит он. Его голос звучит одновременно мягко и грубо. — Отпусти девочку.

Воин издает хрюкающий звук.

— Забудь об этом! Она пойдет со мной. А теперь возвращайся туда, откуда пришел!

Мужчина вздыхает:

— Боюсь, это невозможно.

Я извиваюсь в хватке земельца, но тут же затихаю, когда он сильнее прижимает лезвие к моей шее, царапая кожу.

— Перестань набивать себе цену, девочка! — шепчет он мне на ухо. Ледяная дрожь пробегает по моему телу. — Тебе понравится у нас, обещаю.

«Вот уж точно нет!» — думаю я и резко запрокидываю голову. Рука земельца соскальзывает, и я кусаю его. Отвратительный привкус грязи и пота наполняет мой рот, но я сильнее вонзаю зубы в его кожу, пока он не начинает выть и не ослабляет хватку.

Я чувствую дуновение воздуха на лбу, за которым следует сдавленный звук. Мгновением позже земелец падает.

Когда я хочу повернуться, мужчина уже рядом, расправляет вокруг меня свой темно-красный плащ.

— Не смотри, — бормочет он, осторожно притягивая меня к себе.

Я вся дрожу и с благодарностью опираюсь на него, даже когда раздражающий внутренний голос ругает меня за это. В конце концов, я не знаю, не из тех ли он... Он мог бы...

Когда он мягко кладет руку мне на спину, я закрываю глаза и отдаюсь манящему теплу, источаемому его телом. «Только на минутку,» — говорю я себе. Чтобы снова набраться сил.

Только теперь, когда я могу успокоиться, я чувствую, насколько истощена. Мышцы ноют от бега. Порезы на руках и ногах, которые я получила в густом подлеске, пульсируют. У меня так болит спина, что я не могу стоять прямо. Я сильнее опираюсь на своего спасителя. Ведь он мой спаситель? Он помог мне. Но... почему?

— Все в порядке? — озабоченно спрашивает он некоторое время спустя. Я медленно поднимаю голову и заставляю себя открыть глаза. Он высокий. Это первое, что я замечаю, когда напряжение покидает меня. Я едва достаю до его подбородка. Мой взгляд скользит по четко очерченной челюсти. Он слегка сжал губы. Прямой нос, возможно, слишком широкий. Наконец я смотрю в его глаза.

Такого цвета я еще никогда не видела.

Во Фриске, стране, откуда я родом, у всех жителей яркий цвет глаз. Такой же, как у меня, синий, а также ярко-зеленый или насыщенный бирюзовый. Цвет — чистый, суровый и холодный, как наша страна.

Глаза мужчины — такое разнообразие оттенков, что я не могу их все назвать. Теплый коричневый цвет пре-

обладает, но в нем встречаются вкрапления золота и зеленого. Радужная оболочка делается ярче ближе к зрачку, практически становясь золотой.

Он хмурится, пока я откровенно разглядываю его. Неохотно я отрываюсь от его глаз. У него темные волосы. Я не уверена, каштановые или все же черные. По бокам они короче, и отдельные пряди падают на лоб.

— С тобой все в порядке? — повторяет он предыдущий вопрос.

— Я... думаю, что да, — хриплю я. Язык не хочет подчиниться. — Ты... у тебя есть что-нибудь попить?

Очевидно, удивленный моим вопросом, он отпускает меня и подходит к своей лошади. Пока он роется в седельной сумке, я оглядываюсь через плечо. Позади меня лежит земелец. С кинжалом между глаз. Как ни странно, его смерть меня нисколько не трогает.

В поле зрения появляется фляжка.

— Ты не должна смотреть, — упрекает меня мужчина. Я пожимаю плечами и открываю флягу.

— Он не первый мертвец, которого я вижу сегодня, — бормочу я. Сделав глоток, кривлю рот. — Есть у тебя что-нибудь... покрепче воды?

Незнакомец удивленно распахивает глаза.

— Я... ну, ты знаешь... иначе мне не избавиться от ощущения вкуса его руки, — спешу объяснить я.

Отвратительное ощущение грязи, соединенное с металлическим привкусом крови, все еще липнет к моему небу. Незнакомец вынимает из сумки на поясе небольшую плоскую фляжку и после недолгих колебаний протягивает мне.

— Но только глоток, — бормочет он. — Довольно крепкое.

Я киваю и отпиваю горькое пойло. Понятия не имею, что это такое. Оно горит в горле, распалая огонь в моем животе. Кроме того, оно избавляет меня от отврати-

тельного вкуса во рту. Я лишь слегка кривлюсь, когда протягиваю незнакомцу фляжку.

Некоторое время мы нерешительно изучаем друг друга. Если бы он хотел навредить мне, у него уже было предостаточно возможностей. Тем не менее я остаюсь настороже. Меня все еще волнует вопрос — теперь, когда никто больше меня не преследует. Хотела бы вытеснить его из мыслей, но мне нужно знать.

— Ты... встретил других на пути сюда? — спрашиваю я.

— Других из Фриски? — бурчит он.

Я киваю.

— Нет. Я следил за отрядом земельцев и случайно наткнулся на тебя.

Он оглядывается, переводит взгляд с мужчины позади меня на другого, который лежит немного в стороне. Лошади исчезли, а я даже не заметила.

— Их было пятеро, — добавляю я.

— Семеро, — уточняет он. — Двоих я поймал, как только они перешли границу. Но остальные ускользнули от меня.

Его взгляд возвращается ко мне. Он осматривает меня с головы до ног. В отличие от того, как это делал землец, меня его взгляд не смущает. В его взгляде нет блеска желания, кажется, он просто хочет разобраться в моем наряде. Знаю, даже без замечаний с его стороны, что это необычно — встретить молодую женщину в бриджах и рубашке, заправленной за пояс. Еще и без обуви.

— Что ты здесь делаешь? — наконец спрашивает он. — До ближайшего города несколько дней, а до столицы почти неделя. Пешком... — Его взгляд возвращается к моим грязным ногам, — ...на это может потребоваться две недели.

Внутренне я сжимаюсь от стыда. Ботинки, которые я взяла с собой, мне не подошли. Они были слишком

большими, поэтому я решила путешествовать босиком. Так как все равно большую часть времени была верхом.

— Я... ехала в эскорте, — объясняю я. — На нас напали.

Он снова хмурится так, что между бровями пролегает глубокая складка.

— Эскорт. Из Фриски? — Он открывает рот. — Пожалуйста, не говори мне, что...

Я киваю.

— Я принадлежу к свите принцессы.

Застонав, он руками трет лицо.

— Принцесса Эйра должна приехать только в следующем месяце и совершенно другим маршрутом! Какого черта! Что побудило вас путешествовать так близко к границе земельцев?

Я пожимаю плечами.

— Я... не знаю... я просто...

Он прерывает меня резким взмахом руки.

— Можешь сказать, где на вас напали?

Я с трудом сглатываю, проходя мимо него и изучая лес вокруг. Я пришла оттуда. Или... оттуда? Мне все кажется одинаковым. Коричнево-зеленым, совсем не таким, как дома. Во время побега я столько раз меняла направление, что не могу сказать, откуда пришла.

Незнакомец верно истолковывает мои колебания.

— Значит, нет, — задумавшись, он стискивает зубы. — Может быть, я смогу пойти по их следу.

Продолжая говорить, он спешит к своей лошади, которая мирно щиплет траву, поднимающуюся между опавшими листьями. Несмотря на спешку, его движения мощные и плавные одновременно. Никогда не видела, чтобы кто-нибудь двигался так, как он: будто хищник на охоте, которому прекрасно известно, что он находится на вершине пищевой цепи. Из-за того точного броска кинжала я подозреваю, что он солдат, но сила, которую он излучает, и уверенность, с которой двига-

ется, не позволяют сделать иного вывода: он наверняка сражался во многих битвах. При этом я думаю, что ему не больше двадцати и...

Когда он кладет руки на седло и ставит ногу в стремя, мои мысли внезапно останавливаются.

— Эй! — кричу я. — Что... что насчет меня?

Он бросает на меня через плечо насмешливый взгляд.

— А что насчет тебя? Я спас тебе жизнь.

— Да, но я... — Я смотрю в землю, теребя подол рубашки. — Я не знаю, куда идти.

Я не должна ему доверять — в конце концов, я его совсем не знаю, — но у меня нет иного выхода. Если он прав и ближайшее поселение в нескольких днях пути, даже верхом... Кто знает, сколько земельных еще бродит по этому лесу! Я не смогу противостоять им в одиночку. А в чужой стране без средств я далеко не уйду. У меня нет ничего, кроме того, что на мне.

Когда он снова поворачивается к лошади, я впадаю в панику.

— Ты спас меня только для того, чтобы оставить на произвол судьбы?

— Послушай, малышка, — ворчливо говорит он, поворачиваясь ко мне. — Я здесь только потому, что последовал за земельцами. То, что я нашел тебя, было чистой воды случайностью и не входило в планы. Я должен отправиться за теми, кто сбежал, чтобы они не проникли дальше в глубь страны. А еще я должен найти принцессу.

Я проглатываю самоуважение и разыгрываю последнюю карту, которая оставалась у меня на руках.

— Я умру здесь. И это будет твоя вина.

Я смотрю, как он стиснул зубы, и молюсь богине, чтобы мои выводы оказались верными. Я надеюсь, что он солдат Короля Огня и, следовательно, подчиняется кодексу чести, запрещающему ему оставлять беззащитную деву в беде.

Приложив максимум усилий, чтобы убить меня одним взглядом, он шумно выдыхает. От меня не укрывается даже игра света в его глазах, которые, кажется, сверкают от гнева.

— Радуйся, что я дал клятву, — рычит он. — Я выведу тебя из леса. Но если ты меня удержишь, я брошу тебя! У меня нет времени возиться с тобой. Так что поторопись!

Его слова задевают меня сильнее, чем следовало бы, но я воздерживаюсь от комментариев. Опустив голову и крепко сжав губы, я бросаюсь к нему, но игнорирую протянутую руку. И забираюсь в седло без его помощи, сев по-мужски, обхватив ногами лошадь. Та удивленно поднимает голову, но, очевидно, приходит к выводу, что меня нечего бояться, и продолжает щипать траву. Я похлопываю ее по шее.

— Ты идешь или нет? — недовольно бурчу я, глядя на него, и встречаю удивленный взгляд. Чувство победы, усиливающееся с каждой секундой, пронзает меня, но тут же испаряется, когда я замечаю мрачное выражение его лица.

— Сядь немного ближе к шее, — ворчливо говорит он, прежде чем сесть в седло позади меня.

Я напрягаюсь, несмотря на протест измученных мышц. Когда я просила не оставлять меня, я не подумала, что лошадь-то всего одна. И что он будет сидеть у меня за спиной. Очень близко. Ближе, чем когда-либо был ко мне мужчина моего возраста.

Я читала об этом в многочисленных книгах замка Фриски. О странных чувствах, которые могут возникнуть от короткого прикосновения. О непривычном трепете в животе. О мыслях, которые никогда раньше не возникали в голове.

Мне нравились эти книги, я прочитала почти все в свободное время. Но сама никогда не ощущала ничего из того, что там было описано. Даже примерно.

Сейчас сквозь меня проносится столько мыслей и ощущений, что я ни одной не могу уловить. С одной стороны, мне хочется немедленно слезть с лошади и установить между нами дистанцию. С другой стороны, я так измучена, что больше всего на свете мне хочется откинуться назад и уснуть.

Вместо этого я хватаюсь за луку седла и призываю себя собраться.

Это действует, но недолго, пока незнакомец не кладет руку на мой живот, а другой ловит поводья. Я чувствую каждое движение, даже самое легкое, его тела. Вдобавок его теплое дыхание ласкает мою шею.

Пришпорив лошадь, он пускает ее рысью.

— К счастью, эти идиоты не потрудились замести следы, — бормочет он, пока мы следуем тропой, оставленной земельцами.

Тяжелые копыта их лошадей глубоко проваливались в лесную почву, ломали ветки, так что мы быстрее, чем предполагалось, возвращаемся на дорогу. Мне немного стыдно, что я не заметила этого раньше. Даже такой человек, как я, не имеющий опыта в чтении следов, мог бы последовать за этими знаками, и мне не пришлось бы полагаться на помощь незнакомца. Но в этом случае я все же осталась бы одна в чужой стране.

Я рада, что теперь лошадь бежит по достаточно ровной земле и я больше не прижимаюсь к мужчине из-за каждой неровности дороги. Но я продолжаю отчетливо его чувствовать. Каждый вдох, каждое натяжение поводьев, каждое движение его ног, которыми он управляет лошастью. Он, должно быть, много тренировался с ней, я почти завидую тому, как хорошо они ладят. Он немного смещает вес, чтобы наклониться к следам на дороге. Я хватаю ртом воздух, когда он небрежно кладет руку мне на талию, чтобы удержать равновесие.

— Прошло совсем немного времени, как они здесь проехали, — бормочет он самому себе.

Кажется, я не достойна, чтобы со мной разговаривать. В другом случае я бы разозлилась на это, но теперь по-настоящему рада, что не стала открывать рот. Слишком сильно бьется сердце, так сильно, что я чувствую его где-то в районе шеи.

Незнакомец выпрямляется и убирает руку с моего живота. Прежде чем успеваю понять, должна ли вздохнуть с облегчением или разочарованием, меня закутывают в теплый кроваво-красный плащ. Сбитая с толку, я моргаю, глядя на этот странный предмет одежды.

— Ты дрожишь, — объясняет он.

Я судорожно сглатываю и не открываю рта, пока не могу снова на сто процентов доверять своему голосу.

— Я из Фриски, — бросаю я как можно равнодушно. — То, что вы, пламенцы, называете холодным, — для нас самый теплый день за много лет.

Тем не менее я плотнее закутываюсь в плащ, тем самым надеясь скрыть от него свою дрожь, которая вызвана отнюдь не холодом. Я вдыхаю запахи: его кожи, лошади, свежего сена, леса — дикую смесь ароматов, которые липнут к плащу и только усиливают покалывание в моем животе.

Да что со мной не так?

ДАВИНА

Недалеко от того места, где мы вышли из леса, мы натываемся на эскорт из Фриски.

Или по крайней мере на то, что от него осталось.

Хотя солнце медленно садится и окрестности залиты сумеречным светом, я ясно вижу масштабы разрушений. Карета, рядом с которой я ехала несколько часов назад, полностью разбита, будто нападавшие колотили по ней топорами, чтобы забрать золотые украшения отделки. Сундуки взломаны, повсюду разбросана одежда. Среди всего хаоса лежат тела четырех наших солдат. Я никого из них толком не знала. Король предоставил их нам перед тем, как мы отправились в путь. Тем не менее я бормочу молитву богине за упокоение их душ, как и подобает.

— Тебя это не беспокоит?

Я поворачиваюсь, насколько это возможно в седле, и натываюсь на любопытный взгляд. Впервые его удивительные глаза горят не гневом, а неподдельным интересом.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

Он кивает на одного из убитых солдат.

— Мертвецы. Женщины, которых я знаю, упали бы в обморок при одном взгляде на них.

Я смотрю в том же направлении, что и он. Незнакомец прав, зрелище неприятное. Эта кровь... На самом деле я знаю много женщин моего возраста, которые не смогли бы смотреть, но я к ним не отношусь.

— Они были мне чужими, — говорю я, не отрывая взгляда от солдат. — Они погибли, желая защитить меня и остальных. Не вижу смысла падать в обморок из-за этого. Для них и того, что они совершили, это было бы оскорблением.

Поскольку он все еще должен мне ответ, я мысленно заканчиваю молитву богине и снова смотрю на него. Я замечаю намек на улыбку в уголках его рта, но она пропадает так же быстро, как и появляется. Но я уверена, что видела ее. Похоже, он все-таки умеет улыбаться. До сих пор я сомневалась в этом.

— Похоже, женщины Огненного королевства еще многому могут поучиться у вас, ледянцев, — говорит он со своим обычным недовольным выражением лица, глядя мимо меня. — Или, быть может, то, что о вас говорят, верно.

— Что говорят? — спрашиваю я.

— Что женщины Ледяного королевства — холодные существа, в сердцах у которых нет тепла. Ни для живых, ни для мертвых.

Я молчу, потому что не знаю, что на это ответить. Он говорит правду, но тем не менее его слова сильно ранят меня. Такой он меня видит? Но это верно: в отличие от открытых женщин Огненного королевства мы кажемся совсем замкнутыми. Но это не значит, что мы эмоционально холодны.

Но я, должно быть, кажусь ему такой. До сих пор он относился ко мне не особенно дружелюбно, но это взаимно. Я хотя бы поблагодарила его за спасение? Без него меня бы похитили и продали в рабство —

или того хуже. Я здесь только потому, что он решил помочь мне, а не оставил одну на произвол судьбы.

— Может, мне стоит сделать первый шаг и попробовать быть немного добрее.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

Он поднимает бровь и сразу настораживается.

— Зачем тебе?

Я пожимаю плечами.

— Если мне придется молиться за тебя богине, я хочу знать, как тебя называть.

Он качает головой.

— Тебе не нужно будет молиться за меня, до такого не дойдет. В любом случае мы не собираемся проводить много времени вместе.

Я тут же напрягаюсь.

— Что ты имеешь в виду?

Его взгляд скользит по разрушенной карете.

— Принцессы нет среди погибших, так? Я должен выяснить, удалось ли ей сбежать или ее забрали. Как бы то ни было, я должен найти ее.

— Почему?

Он смотрит на меня так, будто всерьез сомневается в моем здравомыслии.

— Потому что она будущая королева этой земли, — отвечает он. — Моей задачей было встретить ее на границе и безопасно сопроводить в столицу, Браннвин. — Он сжимает руки в кулаки. — Почему она отправилась раньше? Я не понимаю...

Его задача. Значит, он, должно быть, один из ближайших доверенных Короля Огня! Может, даже один из его рыцарей, потому что никому другому король не поручил бы эту важную миссию. Даже во Фриске мы время от времени слышим рассказы о них. Четыре храбрых рыцаря, один сильнее и смелее другого. Высокопоставленные военачальники армии Огненно-

го Короля. Любой из них играючи мог бы справиться с нашими ритари*. Но сейчас на службе остались лишь некоторые из них. Скосив глаза, я наблюдаю, как он рассматривает следы, направляя лошадь к разрушенной карете. Он молод; ему слегка за двадцать, может, двадцать пять.

Примерно на три или четыре года старше меня. Всякий раз, когда о славных рыцарях Огненного Короля говорили в большом зале, я представляла себе пожилых опытных воинов, которые вели солдат в битву и одерживали одну сокрушительную победу за другой над земельцами.

— В любом случае, — бормочет он, глядя в сторону леса, куда ведут некоторые из следов, — я должен ее найти. И тебе пора слезать, малышка.

В панике я сильно, как могу, поворачиваюсь к нему.

— Что? Ты не можешь просто оставить меня!

Он смотрит на меня без малейшего следа эмоций на лице. Если он меня назвал холодной — он-то какой?

— Почему бы и нет? — интересуется он. — Я обещал вывести тебя из леса. Я это сделал. Даже довел до места, где ты потерялась. — Он оглядывается и в конце концов удовлетворенно кивает. — Мы находимся на одной из главных дорог. Рано или поздно кто-нибудь заберет тебя. Люди здесь всегда проезжают. Торговцы. Путники.

«Земельцы, которые хотят продать меня в рабство», — мысленно заканчиваю я, но прикусываю язык, чтобы не произнести это вслух. Если я настрою его против себя, он и правда оставит меня одну.

Острый страх ледяными когтями впивается в мое сердце. Я нервно глотаю.

— Но я... я не знаю... где я и куда мне идти.

* Ritari (уст.) — рыцарь.

Он глубоко вздыхает, видимо, раздраженный.

— Я тоже не могу взять тебя с собой. Если я буду преследовать земельцев, мне, возможно, придется красться. — На мгновение резкость в его взгляде исчезает, когда он смотрит на меня. Если бы я не знала лучше, то сказала бы, что в его глазах мерцает мягкий свет, когда его взгляд устремлен на мое лицо. Мое сердце сразу начинает сбиваться с ритма. — С тобой я не смогу это сделать. В лесу ты сияешь, как маяк.

Я знаю, что он имеет в виду мои светлые волосы и заостренные уши. И еще знаю, что привлеку внимание посреди коричнево-зеленого леса. Кроме того, у меня нет опыта в чтении следов или незаметном преследовании. Но это не значит, что он может просто повернуться и оставить меня на произвол судьбы! Здесь, в чужой стране, это лишь вопрос времени, когда я снова наткнусь на вражеских воинов или умру от голода. Или... Я быстро качаю головой, поскольку новые сценарии моего ужасного будущего продолжают всплывать в сознании.

— Возьми меня с собой, — прошу я. — Обещаю, что не буду тебе обузой.

— Элора, — он наклоняется вперед, сильно приближаясь ко мне, — очень выносливая, но и она будет медленнее с двумя всадниками. Я уже однажды спас тебя. Будь благодарна за это! Я даже вывел тебя из леса, более чем выполнив свой долг и тем самым клятву в отношении беспомощных дев. С этого момента ты больше не моя проблема.

Я скриплю зубами. Тщеславный ублюдок! Он никак не может быть одним из тех легендарных рыцарей Огненного королевства!

— Ты говоришь о клятве, — отвечаю я, игнорируя, что он назвал меня проблемой. — Разве эта клятва позволяет бросить юную девушку на произвол судьбы?

Он сужает свои впечатляюще сверкающие глаза до щелок.

— Если речь идет о высшей цели, возможно. Таких особых случаев в моей клятве нет. Но, я полагаю, важнее спасти принцессу, чья свадьба с моим королем должна создать основы союза против земельных, чем указать служанке путь в ближайшую деревню.

Я выдерживаю его пронзительный взгляд.

— Если ты ее найдешь, я тебе понадоблюсь, — возражаю я. — Принцессу, я имею в виду. Она не пойдет за тобой. Если, конечно, я не буду рядом. Я ее самый близкий друг. И тогда ты сможешь доставить ее к своему королю целой и невредимой.

Он презрительно фыркает.

— Я смогу это сделать и без твоей помощи. В крайнем случае свяжу и брошу на спину Элоре.

Я несколько раз моргаю.

— Что?

Он пожимает плечами.

— Ты меня поняла. А теперь слезай. Нам с Элорой пора ехать дальше.

Больше всего я хотела бы вцепиться ему в волосы или в горло. Вероятно, все свелось бы к последнему. Не знаю, что меня больше шокирует: как он собирается поступить с принцессой или что он на самом деле планирует бросить меня.

Я скрежещу зубами. Моя проклятая гордость удерживает меня от того, чтобы на коленях умолять взять меня с собой. Но когда я выскальзываю из седла и мои ноги касаются твердой земли, мой голос снижается до тихого шепота. Тем не менее я проглатываю каждую просьбу, готовую сорваться с кончика языка.

— Тогда скажи хотя бы, куда мне идти, чтобы добраться до ближайшего города.

Он кривит рот и со вздохом закрывает глаза.

— Собственно, тебе нужно идти дальше по дороге, пока не доберешься до поселения. Чтобы дойти до него пешком, понадобится... около четырех дней. Тебе лучше подождать, возможно, мимо будет проезжать торговец. Чтобы попасть в деревню Бразания, нужно идти этим путем.

Четыре дня. Я едва могу стоять на ногах, а мой живот урчит так громко, что хищники в радиусе нескольких сотен метров должны меня слышать. Далеко я не уйду без еды и оружия, которым можно будет защититься в чрезвычайной ситуации. Не то что я умею управляться с ним. Но я бы чувствовала себя... лучше.

Я оборачиваюсь. Меня не волнует, что незнакомец считает, будто здесь часто проходят торговцы. Я не могу ждать и надеяться, что земельцы не станут торопиться. Но в каком направлении мне идти? Какое приведет меня в земли, куда я ни в коем случае не хочу попасть?

Должно быть, у меня настолько жалкий вид, что мужчина, вздохнув, проводит рукой по темным волосам. Лучи вечернего солнца падают на светло-каштановые пряди, которые я раньше не замечала, но которые приковывают все мое внимание, и на мгновение моя злость на него пропадает. С растрепанными волосами он выглядит моложе, почти как простой парень, и совсем не похож на рыцаря, который всего час назад в одиночку победил земельцев. Даже его суровое выражение лица, которое я не могла прочесть, исчезло. Теперь он кажется... хоть и по-прежнему раздраженным, но также немного... уязвимым? Не знаю, подходящее ли это слово, чтобы описать его. Может быть, скорее... беспомощным?

Сдавленным вздохом он вырывает меня из моих запутанных мыслей.

— Посмотри, найдешь ли ты себе здесь обувь.

Я смотрю на него, совершенно ошеломленная.

— Значит ли это, что я могу?..

— Да, — мрачно бормочет он, избегая моего взгляда. — Но поторопись!

Я подавляю ликование и отправляюсь искать обувь в разграбленных сундуках. Снова и снова оглядываюсь через плечо, чтобы убедиться, что он не оставит меня одну. Но он сидит на лошади и наблюдает за тем, что происходит вокруг, как если бы ожидал, что в любой момент на нас нападут.

Действительно, я нахожу в сундуке пару мягких кожаных сапог, которые я упаковала для путешествия. Радуясь, что они не заинтересовали земельцев, я надеваю их. Потрясающее чувство — снова носить обувь! Хотя они старые и стоптанные, но как раз поэтому очень удобные.

Направляясь обратно к лошади, я заново заплетаю волосы, разметавшиеся во время погони. Они у меня длинные, доходят до бедер. Когда светит вечернее солнце, в них мерцают золотистые пряди, но обычно они кажутся белыми, как снег Фриски.

— Готово! — объявляю я, вставая перед ним.

Он осматривает меня с головы до ног, пока я не начинаю вертеться под его взглядом. Мое сердце вновь бьется быстрее, когда в его глазах мелькает искорка. Я фиксирую взгляд на точке позади него, чтобы избавиться от странного чувства. Но замечаю, что он несколько раз моргает, прежде чем молча протянуть мне свой плащ.

— Я уже говорила, что то, что вы здесь называете холдным, для меня...

Резким движением он прерывает меня и бормочет что-то про клятву, продолжая протягивать плащ, при этом демонстративно глядя в сторону. Я сдаюсь: наверное, лучше с ним не спорить и не испытывать судьбу.

Я накидываю плащ, который мне велик и почти волочится по земле. Но он теплый, и от него так пахнет.

— Давай, — он протягивает руку. — Пока у нас есть еще немного света, я хочу продолжить преследование.

Я вкладываю свою руку в его и удивляюсь, насколько она мозолистая. Его хватка крепкая и надежная, когда он помогает мне забраться на лошадь. Я снова сижу перед ним.

И снова остро осознаю его близость и тепло.

После щелчка поводьями Элора трогается с места. Бурая кобылка движется через подлесок, в котором земельцы оставили следы, но, несмотря на ее уверенный шаг, время от времени ее покачивает. Каждый раз при этом я становлюсь так близко к мужчине, как никогда бы не позволила при обычных обстоятельствах. И каждый раз места, где мы соприкасаемся, странным образом покалывает.

— Т-ты думаешь, мы сможем преследовать их в лесу? — спрашиваю я, чтобы отвлечься от смущающих эмоций. Я хочу дать себе пощечину за заикание. Это не в моем стиле...

Он, должно быть, тоже обратил внимание на это, потому что мешкает с ответом.

— Земельцы невысокого роста. Они недостаточно быстро передвигаются пешком, поэтому в основном ездят верхом. А лошади оставляют следы, которым мы можем следовать. Но... нам все равно нужно спешить.

Я поворачиваюсь к нему в седле.

— Почему?

У него сосредоточенное выражение лица. Или раздраженное, я не уверена.

— Боюсь, скоро может пойти дождь. Он смывает следы, и у нас не будет подсказки, куда направляться. Это будет поиск иголки в стоге сена, особенно если они уже перешли границу. Даже если они и похитили прин-

цессу, я ничего не смогу сделать, тебе нечего бродить по Земному королевству, даже если я могу себе это позволить.

Я киваю. Правда, я еще никогда не видела дождя, но, если он размоет следы, у нас будут проблемы.

Я рассматриваю множество следов, пересекающих лес. Большинство не принадлежит земельцам, некоторые накладываются друг на друга, так что я не могу сказать, чьи они, какого животного. И животного ли вообще.

— Эти следы, — бормочу я. — Ты уверен, что один из них принцессы?

Он глубоко вздыхает за моей спиной, и я жду, что он снова скажет какую-нибудь колкость.

— Почему ты спрашиваешь? — вместо этого интересуется он. Его голос звучит резко.

— Ну, да, — выдавливаю я. — Я... я не знаю, позволила бы она просто так взять себя в плен? Что, если земельцы путешествуют без нее? Если она все же смогла убежать, не заметив наших следов?

— В этом я сомневаюсь.

Я скриплю зубами. Ясно, что он со мной не согласен.

— Но, — начинаю я, — есть ли у нас какие-нибудь явные доказательства, что принцесса с земельцами?

Некоторое время он молчит, и я боюсь, что он мне вообще не ответит. Но потом он бурчит:

— Нет.

Я задерживаю дыхание, но не смею повернуться к нему. Он... и правда признал, что не уверен?

— Но это не значит, — продолжает он, — что я буду ждать где-нибудь и надеяться, что принцесса найдется сама. Не хочу лгать тебе. Как ее служанка, ты безусловно близка к ней. Но с каждой прошедшей минутой наши шансы найти ее снижаются. Особенно если она попала в руки земельцев. Их королевство неприступно.

Я хмурюсь.

— Ни одна страна и ни один замок не являются неприступными.

— У земельцев это так, — возражает он. — В конце концов, мы достаточно пытались. Пересеченная местность, мало растительности. Нигде нельзя выстроить войска, не рискуя утонуть в мягкой почве. Я видел лошадей и всадников, которые вязли в трясине и исчезали. — Он фыркает, и у меня приподнимаются волосы на затылке. — Но почему я вообще говорю с тобой об этом? Ты женщина и понятия не имеешь о подобных вещах.

Я закатываю глаза. К таким высказываниям я привыкла. Но это не значит, что они не задевают меня.

— Ты думал спросить местных жителей о дороге? — интересуюсь я.

Позади меня на несколько секунд повисает тишина, прежде чем я слышу резкое:

— Что?

Я вздыхаю преувеличенно громко и радуюсь, что он не видит моей ухмылки.

— Как и в любой стране, в Земном королевстве найдутся подданные, недовольные своей жизнью и человеком, которого они называют королем. За определенную сумму они, возможно, будут готовы показать вам путь через пересеченную местность. Потому что в конце концов он должен быть, если земельцы не хотят сами утонуть в трясине.

Снова царяется тишина. У меня нет проблем с тем, чтобы представить его растерянное выражение лица. Как бы я хотела его видеть!

— Я... я никогда не смогу этого сделать, — наконец возражает он. — Это...

— Бесчестно? — подсказываю я, даже не пытаясь избавиться от насмешки в голосе. — Не все войны вы-

игрываются с честью. Иногда приходится прибегать к уловкам, если хочешь победить. — Я фыркаю. — Или устроить свадьбу с принцессой единственной страны, которая пока остается в стороне от споров, чтобы иметь возможность пополнить свою армию.

Я чувствую, как он напрягается за моей спиной. Видимо, я попала в больное место. Но я не буду извиняться.

— Ты хочешь сказать, что предложение моего короля... бесчестно?

Я качаю головой.

— Не бесчестно. Но... дело не в принцессе. Он пользуется преимуществами, которые может получить, не — как ты это назвал? — прибегая к бесчестным уловкам. Но женись на принцессе Фриски, он также берет на себя ответственность.

— Брак — не торговля коровами! — теперь он звучит сердито, но я не позволю ему запугать себя. — Король Эсмонд ценит принцессу.

Я не могу сдерживать смех и быстро закрываю рот рукой.

— Он ни разу не навещал ее с тех пор, как объявили о помолвке. Он даже не написал ей ни одного письма. Оба ничего не знают друг о друге. Так скажи, откуда у тебя такая мысль, что король может что-то чувствовать к ней?

Дальше мы едем молча. Элора почти сама находит правильный путь, так что мужчина лишь изредка должен направлять ее.

Я прокручиваю в голове наш разговор. По его жесткой позе чувствую, что он еще более холоден со мной. Я зашла слишком далеко? Но это правда...

Устроенная свадьба с принцессой служит только для того, чтобы втянуть ледяные земли Фриски в войну, причину которой я не понимаю до сих пор. Я думаю,

дело в том, что Король Огня хочет расширить свое королевство. Но если земли противника действительно настолько непроходимы, как думает мой спутник, то захват этого королевства не принесет ему никакой пользы. Это просто личная вражда?

— У него есть ее портрет, — бормочет мужчина так тихо, что я его едва слышу.

Я поворачиваю голову.

— Что?

— У короля Эсмонда... есть портрет принцессы. Картина, которую ему подарили три года назад, когда переговоры были завершены. Он хранит ее в своих апартаментах, и никому никогда не разрешалось видеть ее. Но пару раз он говорил, как он заморожен улыбкой принцессы.

Я закатываю глаза.

— Это картина. Никто не может влюбиться в картину. Кроме того, она на ней не улыбается.

— Откуда ты знаешь?

Я пожимаю плечами.

— Я ее камеристка. Я была там, когда ее рисовали. Она никогда не улыбалась, когда дело доходило до помолвки с Королем Огня.

— Разве у принцессы тоже нет портрета?

— Есть, — отрывисто отвечаю я.

— И? Только не говори мне, что она не в восторге от него. Король Эсмонд силен и красив. Любая женщина может считать себя счастливой, если ей удастся заполучить такого мужа.

— Мужа, которому наплевать на свою жену, ты имеешь в виду? — возражаю я. — Для этого ей не нужно было бы ехать в Огненное королевство. Он ни разу не дал о себе знать за три года, — я задираю подбородок. — Она спрятала картину в самый дальний угол шкафа и больше никогда не доставала после того, как

целый год тщетно ждала от него весточки. Она очень быстро запылилась, но принцесса запретила мне вытирать ее.

— Мой король — занятой человек.

Это оправдание звучит так, словно он судорожно ищет объяснение поведению короля Эсмонда. Но я знаю правду. Я знаю, его просто не волнует, что его невеста думает обо всем этом. Для него она лишь средство для достижения цели. Цена за солдат Ледяного королевства. И король Фриски был достаточно глуп, чтобы поддаваться обещаниям Короля Огня, в результате чего народ, который испокон веков держался в стороне от всех раздоров, втянули в войну. Даже если Огненные земли образуют естественную границу между Фриской и земельцами, это не значит, что Ледяное королевство не может быть завоевано. Земным или Огненным королевством, но это еще предстоит выяснить.

ДАВИНА

Когда темнеет, мы останавливаемся под массивным деревом. Отработанными движениями мой спутник разжигает костер, который дарит нам свет и тепло. Я поражена, как ловко у него это выходит. Поскольку я не мерзну и уже достаточно времени провела рядом с ним, то прислоняюсь к стволу дерева — в нескольких метрах от него. У меня такое чувство, что я снова могу свободно дышать. Тем не менее мне кажется, я все еще чувствую его своей спиной. Каждый его вдох. Его руку, которой он обвил мою талию, чтобы я не упала.

Не то чтобы я рисковала хоть раз упасть. Но я не оттолкнула его руку даже после того, как исчезла первая неуверенность. Так я чувствовала себя в безопасности.

А это чувство необходимо мне больше всего на свете.

Я замороженно смотрю на его руки, пока он разжигает костер. Его пальцы крепко сжимают два кремня, прежде чем ударить их друг о друга, его брови при этом сосредоточенно сдвинуты. Даже когда он зажигает огонь, он кажется ожесточенным, и я не впервые задаюсь вопросом, умеет ли он вообще улыбаться. Когда в сухой траве между ветками вспыхивают искры, он наклоняется и дует на них.

Я точно знаю, на что похоже его дыхание. В течение всего этого дня оно казалось мне прохладой после тепла, которое распространялось во мне, когда мои мысли сбивались. Поскольку после нашего разговора о мотивах Короля Огня мы больше не сказали друг другу ни слова, мои мысли постоянно путались.

Я быстро подтягиваю ноги к груди, кладу подбородок на согнутые колени и отвожу взгляд. Весь день мы продолжали идти по тропинкам, которые приближали нас к границам Земного королевства. Но в любом случае у нас нет доказательств, что вражеские воины захватили женщину. Если бы я была на ее месте, то попыталась бы оставить подсказку: кусок платья, который бы оторвала специально, потерянную обувь, заколку для волос — все, что мы наверняка могли бы отнести к плененной женщине.

Но вокруг нас только зелено-коричневый лес, полный странных запахов и шумов.

Нападение случилось так быстро и неожиданно, что я не могу точно сказать, как именно оно произошло. Помню, как какое-то время наблюдала, пока убивали наших охранников. А в следующий момент я бежала все глубже в незнакомый лес. Мои ноги двигались сами по себе, управляемые паникой. Я не думала о других. Я всего лишь хотела спасти свою жизнь.

Теперь мне стыдно, что я сбежала.

Но что я могла сделать? Без оружия. Не умея сражаться. Я бы стала еще одной жертвой.

Бессмысленной жертвой.

Тем не менее меня гложет чувство вины, которое охватывает меня каждый раз, когда мои мысли не заняты чем-то. Мне неприятно признавать, но я предпочитаю пялиться на своего спутника и странно реагировать на его — более или менее произвольные — прикосновения, а не мучить себя вопросом, что я могла бы сделать иначе.

— Что ты будешь делать, когда мы доберемся до границы? — спрашиваю я мужчину, имени которого до сих пор не знаю.

Я отказалась от идеи спросить его об этом, так как разговариваю с ним только о самом необходимом. Более того, чувствую, что для него я не более чем нежеланный балласт. Я совсем не рада нашему соглашению, но это единственный шанс для меня выжить.

Потом мне больше никогда не придется его видеть.

Так что нет необходимости обмениваться формальными вежливостями.

Мерцающее пламя отбрасывает тени на его лицо, делая его контуры более угловатыми. Он быстро бросает на меня взгляд, прежде чем пожать плечами.

— Почему ты мне ничего не говоришь? Раньше у тебя был готовый ответ на каждый вопрос.

Я сажусь и несколько раз моргаю, вспоминая, о чем я его спрашивала в последний раз. Я закатываю глаза. Несколько раз в прошлом я чувствовала, что мужчины не ценят, когда у женщины есть свои мысли на определенные темы. Политика и война всегда были тем, над чем министры и другие сановники должны ломать голову, а не двадцатилетняя женщина, как я.

Во Фриске, к счастью, только говорили о войне, она никогда не приходила к нам.

Я возвращаюсь к его шутивому вопросу и смотрю на огонь.

— Если пересечение границы для тебя опасно, ты должен попытаться решить проблему мирным путем, — говорю я.

Он издает смешок. В другой ситуации, возможно, это звучало бы даже приятно, но от меня не ускользает жесткость, которая слышится в нем. Я снова задаюсь вопросом, может ли он... нормально смеяться, когда считает что-то смешным или чему-то радуется. Скорее

всего, я этого никогда не узнаю. Часть меня находит это досадным. У него наверняка замечательная улыбка.

— Никто не может решить проблемы с Земным королевством мирным путем, — рычит он, тем самым возвращая меня в реальность, где нет улыбающегося незнакомца. — У них принцесса! О чем ты хочешь договориться? Что мы могли бы им предложить? Ты можешь придумать что-нибудь, что перевесило бы ценность принцессы?

— Нет, — признаю я. — Но мы не знаем наверняка, попала ли она им в руки. Вполне возможно, что она прячется где-нибудь в лесу.

— Ты опять начинаешь? Я не видел никаких других следов, — говорит он тоном, не терпящим возражений.

Тем не менее я скрещиваю руки на груди.

— Возможно, ты просто их не заметил.

Его завораживающие глаза, кажется, искрятся в тусклом свете. Я почти вздрагиваю от этого пронзительного взгляда.

— Осторожно, малышка, — шипит он. — я один из лучших следопытов в армии Огненного королевства.

— Перестань называть меня малышкой! У меня есть имя.

Очевидно, застигнутый врасплох моей вспышкой гнева, он хмурится, и сердитое выражение исчезает с его лица. Я почти ожидаю, что он не станет интересоваться моим именем, а продолжит хвастаться, какой он отличный следопыт.

Или заявит, что я вообще не понимаю, о чем говорю. Или признается, что для него совершенно неважно, как меня зовут, так как он в любом случае не заинтересован в продолжении нашей случайной встречи.

Спасибо большое, вполне взаимно! Как только мы доберемся до ближайшего города, он может раствориться в воздухе.

— И какое оно?

Я растерянно моргаю. Я ослышалась?

— Что?

— Твое имя. Какое оно?

Я колеблюсь, потому что считаю это глупой шуткой. Еще одним способом посмеяться надо мной. Но как бы я ни искала, я не нахожу в его лице никаких намеков на это. Он пристально наблюдает за мной, но выражение насмешки и неприязни, которое он принимал, когда я раньше открывала рот, отсутствует.

— Давина, — бормочу я.

Он приподнимает бровь.

— Странное имя.

Я закатываю глаза. Почему я думала, что подобное замечание не может исходить от него?

— А как тебя зовут? — спрашиваю я вместо ироничного ответа, который уже крутился у меня на языке. Он смотрит на меня поверх костра, будто решая, должен ли отвечать на этот вопрос.

— Леандр.

Я вздрагиваю. Несколько раз я слышала это имя раньше! Но этот дерзкий парень не может!..

— Ты... ты первый рыцарь Короля Огня! — выдавливаю я.

Он прищуривается.

— Я не фанат титулов. Я один из его рыцарей. Этого достаточно.

— Но... даже во Фриске говорят о твоих подвигах. Твои победы легендарны, как и мастерство владения мечом.

Выражение насмешливого недовольства возвращается на его лицо.

— Я уже много раз говорил тебе, что я хорош. И в обращении с мечом, и в поиске следов, и... — он колеблется, — ...в других вещах.

Я делаю вид, что не расслышала его последнего замечания, и прилагаю величайшее усилие, чтобы не пред-

ставлять, о каких еще вещах он говорит. Впрочем, мне это не очень-то удается. Быстро перевожу тему...

— Что ты делаешь так близко к границе? Разве тебе не нужно быть в столице рядом с королем?

Сразу же чувствую, что зашла слишком далеко с вопросами, потому что Леандр становится еще более замкнутым, чем раньше, — если это возможно.

— Это не твое дело.

Он отворачивается и тычет палкой в костер.

Я показываю язык его спине и снова кладу голову на колени. Зазнавшийся паршивец!

В этот вечер мы больше не обмениваемся друг с другом ни словом.

* * *

Ночью я не могу уснуть. Прежде всего, мучительное чувство голода, а также незнакомые звуки заставляют меня бодрствовать. Во Фриске я часто ночевала на свежем воздухе, но звуки леса были... другими. Менее опасными. И я не знала тогда голода. Еды в замке хватало на всех. Но теперь каждое новое урчание, кажется, проедает еще более глубокую дыру в моем животе.

Чтобы отвлечься, я наблюдаю за Леандром, который сидит рядом с догоревшим костром и теперь не может мрачно на меня смотреть. Он подтянул ноги ближе к телу и положил голову на колени — так же, как и я несколько минут назад. Я отодвигаюсь немного в сторону, чтоб иметь возможность рассмотреть его лицо. Во сне он выглядит почти умиротворенным. Мне бы даже в самых смелых мечтах не пришло в голову, что он превратится в зазнавшегося придурка, который лишит меня последних нервов, как только проснется.

Никогда не встречала никого, кто мог бы так легко довести до белого каления, не открывая рта. Одного уничижительного взгляда, одного мрачного изгиба

уголков его рта достаточно, чтобы заставить меня скрипеть зубами. Неужели он так пренебрежительно относится ко всем? Или у него особое отношение ко мне?

Чем только я заслужила эту сомнительную честь? Почему я должна была встретиться именно с Леандром...

Я украдкой просматривала военные сводки. Когда в них воспевалась победа Огненного королевства, я неизбежно находила имя Леандра. Заметив, что он дрожит, я, как можно тише, встаю и подкрадываюсь к нему. Осторожно, чтобы не разбудить, накидываю ему на плечи плащ, который он вручил мне сегодня утром. Дрожь тотчас утихает. Прежде чем успеваю сообразить, что делаю, я протягиваю руку и смахиваю с его лба несколько спутанных прядей темных волос. Его кожа такая же теплая, какой я ее себе представляла — в отличие от моей.

Я привыкла к холоду, он меня не беспокоит. Даже если станет еще на несколько градусов прохладнее, мне не понадобится ни плащ, ни накидка. Но такой молодой человек из Огненных земель, как Леандр, подвержен неприятностям холода. Неважно, знаменитый ли он воин и самое близкое доверенное лицо Короля Огня. В этот момент ни один из его поступков не считается.

Сейчас он всего лишь молодой человек, которому предстоит провести в лесу одну — для него — прохладную ночь.

Его веки дергаются во сне, и он шевелит бровями, создавая жесткую складку между ними. Даже когда спит, он кажется ожесточенным. Тем не менее я хотела бы знать, что ему снится.

Я вздыхаю. Несмотря на то что он не всегда хорошо относился ко мне за прошедший день, я даю ему возможность отдохнуть хотя бы во сне, потому что уверена, в боях на фронте у него будет мало возможностей для этого.

Когда старый король Огненного королевства умер, его сын Эсмонд занял трон и продолжил войну с яростью, которая едва не подарила ему победу. Не в последнюю очередь благодаря подвигам его рыцарей. Все они прошли одну школу, были оруженосцами старого короля и сражались бок о бок, так что научились действовать идеально слаженно. Имя рыцаря, которое мы слышали во Фриске чаще остальных, — Леандр. Он вел конницу в бой и сражался на передовой, в то время как командиры обычно стояли в задних рядах и оттуда отдавали приказы. Но Леандр дрался — и как он дрался! Даже когда я читала наспех написанные отчеты о его деяниях, я видела его перед собой. В моем представлении, однако, он был опытным воином с двуручным мечом, который разбивал ряды врагов с легкостью, с которой коса срезает спелую пшеницу. Я представляла его со шрамами на лице, отметками бесчисленных битв, которые он пережил, но по-суровому привлекательным. Он был воином, чье имя заставляло врагов трепетать.

Я никогда не думала о Леандре, как о молодом и красивом мужчине двадцати двух или двадцати трех лет, даже если бы поразмышляла об этом чуть больше, ведь в конце концов он — одно из ближайших доверенных лиц короля Эсмонда. А когда молодой король пришел к власти, он окружил себя советниками своего возраста. Я помню, насколько это решение позабавило короля Фриски и насколько оскорбило.

Леандр выглядит настолько невинным, пока спит, что я не могу представить его прославленным героем войны. Он кажется таким уязвимым, что я с трудом могу удержаться, чтобы не поглаживать его по голове и не бормотать, что все будет хорошо. Он точно не хочет слышать это от меня...

Я встаю как можно тише и отхожу от него. Глядя в темный лес, полный пугающих звуков, я думаю о бу-

дущем. Леандр отвезет меня в ближайший город. Оказавшись там, я обязана связаться с королевским двором Фриски. Король и королева должны знать, что произошло. Они выразят соболезнования семьям погибших, и я рада, что мне не придется этого делать. В конце концов, я не знала никого из наших охранников по имени.

Хотя мы были в пути несколько дней, я не стала знакомиться с попутчиками. Я цеплялась за свои мысли и проклинала судьбу, которая привела меня в далекие Огненные земли. Я тосковала по прохладе Фриски и белоснежным, покрытым снегом лесам. Но вокруг меня простирались только леса зеленого, коричневого и желтого цветов, которых я почти не видела прежде, по крайней мере не когда смотрела в окно. Я хотела вернуться в свой бело-голубой мир, который был мне знаком и в котором я чувствовала себя в безопасности.

Но из-за помолвки короля Эсмонда и принцессы Эйры фон Фриски я никогда не смогу вернуться на родину. Только за это я ненавижу молодого короля, хотя никогда с ним не встречалась. Говорят, он слишком занят, чтобы отдать дань уважения своей невесте. Я же думаю, что ему наплевать на нее. Его интересует только ее приданое, которое, помимо всего прочего, состоит из пяти тысяч фрискийских солдат.

Армия воинов, которые никогда не сражались в реальных боях. Как солдаты, составлявшие наш эскорт.

Я хотела бы знать, что король Эсмонд предложил правителям Фриски, чтобы заставить их ввязаться в войну, хотя до сих пор они сохраняли нейтралитет. Должно быть, что-то значительное.

Или они просто были рады, что наконец избавились от своей неукротимой дочери и дали согласие первому подходящему претенденту.

Может, будет лучше, если мы никогда не найдем принцессу.

ДАВИНА

На следующее утро Леандр хмурится, глядя на плащ, накинутый на его плечи. Он не говорит об этом ни слова, но я чувствую, что, по его мнению, я снова сделала что-то не то.

Даже когда мы уезжаем, его приказы состоят скорее из скудных жестов, чем из слов. Как хочет! Демонстративно отсаживаюсь от него в седле настолько далеко, насколько возможно. Не знаю, что я вчера сказала и сделала, чтобы снова возбудить его недовольство. Делаю вид, что меня это не волнует.

Глупо, но не могу сказать почему. Я хочу, чтобы он поговорил со мной. Мне не хватает его насмешек. Теперь, когда я знаю, кто он такой, мне хочется о многом его спросить, но я слишком горда, чтобы сделать первый шаг. В конце концов, я не совершила ничего плохого.

Остаток дня мы молчим. В полдень он без слов протягивает мне несколько ягод, которые собрал, и объявляет с ворчанием, которое я могу с трудом интерпретировать как слова, что теперь мы близко к границе с Земным королевством, поэтому он не будет рисковать зажигать огонь. В общем, это единственная связанная фраза, которую я слышала от него сегодня. Мой желудок издает разочарованное урчание, но я понимаю

беспокойство Леандра. Если бы нам удалось поймать зайца или даже оленя, мы не смогли бы приготовить его без огня.

Ранним вечером, наконец, начинается дождь, которого боялся Леандр, и его и без того паршивое настроение достигает абсолютного минимума. До сих пор мы могли без проблем идти по следам вражеских всадников. Даже мне, не имеющей опыта в чтении следов, удалось бы проследить за ними. Но теперь каждая капля, прокладывая себе путь через пелену листьев, размягчает отпечатки копыт лошадей, сливая их со следами, которые нас не интересуют.

Я уже промокла до костей, когда Леандр останавливает лошадь под старым деревом с раскидистой кроной. Правда, даже под плотной завесой листьев до меня долетают отдельные капли, но меня успокаивает, что я не полностью открыта приближающемуся шторму.

Дождь... Протягиваю руку из-под навеса и растираю между пальцами капли. Дождь. Кожей я чувствую тепло, совсем не похожее на тающий снег.

Леандр выскальзывает из седла, широкими шагами бросается к дереву и ударяет о ствол. Я вздрагиваю. Хотя я вижу только его спину и сведенные судорогой плечи, но чувствую его разочарование, как свое собственное.

Но я его не разделяю.

Возможно, этот дождь — знак, что нам следует прекратить поиски. Неопровержимый признак, что, если мы найдем принцессу, все это плохо кончится. Но как мне объяснить это Леандру?

— Проклятье, проклятье, проклятье!

Ни говоря мне ни слова, он разворачивается и выходит под дождь. Сжав губы в тонкую, яростную полоску, он выхватывает меч и начинает размахивать им в определенной последовательности, словно сражаясь с невидимым противником. Я молча наблюдаю, как он вы-

полняет одно упражнение за другим, а затем начинает заново. Его рубашка и штаны теперь прилипают к телу как вторая кожа, но он продолжает. Снова и снова.

Он упорно прячется за своими упражнениями, пытаясь преодолеть горечь неудачи. Я знаю это, потому что сама довольно часто поступала таким образом. Понимаю беспомощность в его движениях, которая охватывает меня и заставляет отвернуться.

Я похлопываю добродушную кобылу по шее. Затем принимаюсь растегивать ремни и снимать тяжелое седло. Сегодня мы уже никуда не поедem, а Элора наверняка больше измотана, чем мы оба вместе взятые. Она поворачивает ко мне голову и мгновение смотрит, будто спрашивая, что я на самом деле делаю. Взгляд ее теплых темно-карих глаз критически оценивает каждое мое движение.

Я успокаивающе потираю белую полоску на ее лбу.

— Ты можешь сегодня отдохнуть, — бормочу я ей. Срываю пучок травы у наших ног и растираю ее теплое, влажное тело. Замечаю, что Леандр ненадолго прерывает свою тренировку и смотрит на нас. Я почти уверена, он рассердится, что я ухаживаю за его лошастью, но он ничего не говорит и снова посвящает себя упражнениям. Не знаю, радоваться мне или расстраиваться по этому поводу. Элора могла бы подхватить воспаление легких, если бы он оставил ее промокшей!

— Вот и все, — шепчу я лошади, расчесывая пальцами ее мокрую коричневую с белыми прядями гриву. Мне приходится сдерживать себя, чтобы не заплести несколько кос: это наверняка не понравилось бы Леандру. Хотя, наверно, это было бы довольно красиво... Или, возможно, мне понравилось бы дразнить его.

— Сними с нее уздечку, — замечает Леандр.

Я вздрагиваю. После того, как целый день я слышала только его ворчание, думаю, не кажется ли мне, что он

говорит со мной — добровольно, без необходимости отвечать на какой-то мой вопрос!

Когда я поворачиваюсь, он смотрит на меня. Он непостижим, и при всем желании я не могу угадать, что происходит у него в голове. Но какая-то часть меня хотела бы этого. Часть меня хочет знать, что он думает, смотря на меня, когда я вымокла, голодна, да еще мои волосы ужасно спутаны. Наверняка я представляю собой жалкое зрелище.

В старой жизни моей внешности часто делали комплименты, хотя я всегда держалась на заднем плане. Эти слова ничего для меня не значили, и мне приходилось выдавливать из себя благодарную улыбку. Было бы то же самое с Леандром?

— Она не убежит, — добавляет Леандр, когда я не двигаюсь с места. — Но она лучше ест без уздечки. По крайней мере Элоре не стоит ложиться сегодня спать голодной.

Я игнорирую зияющую дыру в животе и снова поворачиваюсь к кобыле. Она откидывает голову назад, когда я тянусь к ее затылку.

— Хо, — бормочу я, притягивая ее морду ближе. Я почесываю ее лоб над пятном и медленно забираюсь пальцами выше, чтобы попробовать снова. Как можно осторожнее я снимаю с нее уздечку. — Хорошая девочка.

После того как я кладу уздечку на седло, я встречаюсь взглядом с Леандром. Он смотрит на меня, склонив голову, будто отчаянно пытается разгадать загадку. Однако на этот раз в выражении его лица нет резкости и недовольства. Мне бы очень хотелось свернуться под его взглядом, но я выпрямляю спину. Его волосы, мокрые и черные, прилипают ко лбу и вискам, и капли дождя непрерывно капают с кончика носа и подбородка.

— Обычно никто к ней не прикасается, кроме меня, — говорит он, ни на секунду не отводя от меня взгляда. — Я был готов поспорить, что она ударит тебя или укусит.

Я закатываю глаза.

— Как мило, что ты меня предупредил, — рычу я. — Но мы справились. Спасибо за участие.

Он пропускает мимо ушей мое язвительное замечание.

— Ты разбираешься в лошадях? — спрашивает он.

Я киваю.

— Когда я была младше, у меня был белый мерин.

— Что с ним случилось? Он умер?

Не в силах ничего с этим поделаться, напрягаюсь при его вопросе.

— Нет. Но в один момент он перестал быть моим. И я ничего не могла с этим поделаться.

Леандр хмурится и выглядит так, будто хочет задать мне еще один вопрос, но потом моргает и снова посвящает себя своим упражнениям. Я почти разочарована. Разговор с ним о повседневных вещах — пусть даже на короткое время — заставил меня забыть о других моих заботах. Но теперь мои мысли вращаются вокруг Акандо, мерина, на котором я научилась ездить верхом и с которым провела большую часть своей юности. Пока у него не появился новый владелец.

Я впиваюсь ногтями в ладони, отчаянно пытаюсь сохранить самообладание. Почему я тогда молчала и делала вид, что не возражаю? Это был худший день в моей жизни, когда мне пришлось смотреть, как его куда-то уведут из стойла. Но еще хуже было то, что потом я видела его каждый день. Каждый раз, когда входила в конюшню, он вытягивал голову из нового стойла, и тут же мягкий взгляд его синих глаз останавливался на мне, будто он ждал, что я подойду к нему, оседлаю и мы поедем куда-нибудь. Но я этого не делала.

Потому что каждый раз мне приходилось напоминать себе, что он больше мне не принадлежит.

Слишком часто я мирилась с чем-то, думая, что все равно ничего не смогу изменить. Часто это бывали лишь мелочи. Даже когда у меня забрали Акандо, я молчала, заставляя себя улыбаться и выглядеть спокойной. Я сложила руки, надеясь, что все это послужит высшей цели. Однако до сих пор не знаю, как должна выглядеть эта цель.

И я устала ждать, что пойму это.

Даже во время нападения на нашу карету я ничего не сделала, надеясь, что у кого-то уже есть план. Только когда мои спутники стали умирать один за другим, я поняла, что ничто не уладится само собой. Что нет никакой высшей цели. Только я могла спасти себя. Только я могла решить, что для меня лучше.

Я закатываю рукава рубашки выше локтей и отламываю одну из сухих веток, почти такой же длины, как моя рука.

Я ничего не могла сделать. Мне пришлось наблюдать, как наши солдаты, хотя и храбро сражаясь, не смогли противостоять закаленным в боях противникам. Никогда больше мне не придется испытывать это чувство беспомощности.

Я решительно покидаю защитный навес из листьев и шагаю под дождь к Леандру. Он останавливается и разглядывает меня, подняв брови. Тот же взгляд, что я видела все эти годы, когда осмеливалась протестовать.

Ты девушка. Что ты знаешь? Сядь на свое место и улыбайся.

Я невозмутимо встречаю его взор.

— Научи меня.

Он хмурится.

— Что ты имеешь в виду?

Кивком головы указываю на оружие в его руках.

— Обращению с мечом.

Он смотрит на меня, словно я совсем потеряла рассудок.

— Возвращайся под дерево. А то простудишься.

— Научи меня, — повторяю я без намека на мольбу.

Вздыхнув, он отворачивается и оставляет меня стоять, чтобы продолжить упражняться. Но вместо того чтобы забраться обратно под дерево, я встаю перед ним.

— Ты уже совсем промокла, — бросает он с раздраженным вздохом.

И это я снова оставляю без комментариев. Я не чувствую ни дождя, пропитавшего одежду, ни холодного воздуха приближающейся бури.

— Почему? — спрашивает Леандр, когда понимает, что я не откажусь от своего плана.

— Потому что я больше не хочу чувствовать себя беспомощной, — отвечаю я, но это только половина правды.

Потому что я хочу доказать, что могу больше, чем просто оставаться всю жизнь в тени. Потому что у меня наконец появился шанс жить собственной жизнью. Жизнью, полной свободы выбора, которую никто у меня не отнимет.

Леандр кривит рот.

— Но ты понимаешь, что не сможешь наверстать упущенные годы тренировок только потому, что я покажу тебе, как держать меч?

Я киваю.

— Я не ожидаю, что смогу побить настоящего мечника, — делаю насмешливый поклон в его сторону, на что его глаз раздраженно подергивается. — Но то, что я не умею держать меч, не означает, что враги оставят меня в покое. Не каждый воин сражается с честью и щадит безоружных.

Кажется, проходит вечность, за которую Леандр оглядывает меня с головы до ног и, наконец, кладет меч обратно в ножны. Затем подходит к дереву, под которым я оставила седло. Я тяжело сглатываю, когда думаю накричать на него: почему он оставил меня стоять под дождем? Но прежде, чем слова успевают слететь у меня с языка, он возвращается с тремя кинжалами и останавливается передо мной.

— Мой меч слишком тяжел для тебя, — говорит он. — Я тоже едва мог поднять его в течение первых нескольких месяцев, не говоря уже о том, чтобы управлять им. А ветка не может быть адекватной заменой. Так далеко не уйдешь.

Я молча таращусь на него и почти задыхаюсь, когда в его глазах появляется мягкое выражение, позволяя золотым искоркам радужки сиять.

— Ты права, — наконец бормочет он, и я задерживаю дыхание. — Мы на войне. Просто потому что ты не умеешь владеть оружием, не значит, что тебя пощадят, — мягкое выражение исчезает с его лица. — Мне... тоже пришлось наблюдать, как убивают женщин и детей. Вот почему я слишком хорошо знаю беспомощность, о которой ты говорила.

И снова я, кажется, ощущаю его боль в своем теле.

— Что... случилось?

Он тут же закрывается и избегает моего взгляда.

— Ничего, что бы было тебе интересно.

Нежное чувство привязанности, которое проросло во мне, исчезает из-за его резкого ответа, будто его никогда и не было. Я скриплю зубами. Но чего я ожидала? Если он не хочет говорить о своем прошлом, меня должно это устраивать. В конце концов, я почти ничего не рассказывала о своем — не считая воспоминаний о моем мерине Акандо.

Тем не менее мой взгляд продолжает возвращаться к молодому рыцарю, изучая его лицо в надежде найти крошечный намек на то, что с ним случилось. Я хотела бы заглянуть за маску мрачности, которую он обычно выставлял напоказ. Совсем ненадолго, чтобы убедиться, что мое чувство симпатии к нему было не чем иным, как игрой воображения.

Почему я должна чувствовать свою связь с ним?

— Вот, — он протягивает мне один из кинжалов, которые вытащил из седельной сумки. Хотя на первый взгляд кинжал просто обработан и никак не украшен, он хорошо лежит в моей руке. — Кинжалом ты можешь управлять двумя способами. Либо ты используешь его в ближнем бою — но для этого тебе будет нужно подпустить противника чертовски близко к себе, поэтому допускай это только в чрезвычайных ситуациях, — либо ты бросаешь его.

— Я должна... бросить его? — повторяю я. — Но тогда я буду посреди битвы без оружия.

Леандр качает головой.

— Ты помнишь, как я нейтрализовал земельца, который держал тебя?

Я киваю.

— Ты всадил ему кинжал между глаз.

Он насмешливо приподнимает бровь.

— Я надеялся, что ты не будешь смотреть. Обычно девушки падают в обморок, встретившись со смертью. Я хотел избежать драмы, потому что очень торопился.

Я отмахиваюсь от него.

— Может, я не похожа на тех девушек, которых ты знал.

— Может быть, — бормочет он. — До сих пор ни одна еще не требовала обучить ее обращаться с мечом. Хотя некоторые хотели это увидеть, но... — Он пожимает плечами. — Не так уж важно. Иди сюда.

Я неохотно выполняю его просьбу, но он машет подойти ближе и ближе, пока я не становлюсь перед ним так близко, что могу почувствовать тепло его тела. Приятная дрожь проходит через меня, но я делаю все возможное, чтобы не показывать этого. «Это ничем не отличается от того, что тебе пришлось испытывать весь этот проклятый день», — говорю я себе.

Тем не менее мои глаза прикованы к его лицу, которое я не рассмотрела днем. Я с восхищением наблюдаю, как капли дождя стекают с кончиков его темных волос и носа, и мне приходится сдерживать себя, чтобы не протянуть руку и не стереть их. Капли на носу наверняка его щекочут.

— Я покажу тебе, как бросить этот кинжал в ствол вон того дерева, — говорит он спокойным, но в то же время немного хриплым тоном, вызывающим легкую дрожь у меня в животе. — Для этого мне придется прикоснуться к тебе, чтобы исправить твою осанку. Хорошо?

Я киваю, потому что не доверяю своему голосу. И потому что, если бы я открыла рот, из него бы прозвучала только какая-нибудь глупость. Например, что ни один мужчина никогда не прикасался ко мне, за исключением моего отца и ритари моей матери. Или что я не уверена, что смогу сосредоточиться на уроке.

Леандр встает позади меня. Когда он вдыхает, его грудь касается моей спины, и я чувствую его теплое дыхание на своей мокрой шее. Кинжал почти выскальзывает из моих рук — внезапно моя кровь начинает бурлить.

— Теперь целься в ствол дерева, — бормочет он так близко к моему уху, что я ощущаю движение его челюсти. Когда я не шевелюсь, он добавляет: — Для этого тебе нужно поднять руку.

С некоторой задержкой я выполняю его указания. Он мягко, почти невесомо обхватывает мой локоть и выпрямляет руку так, чтобы я могла легко бросить кинжал в дерево.

Однако вместо того, чтобы сосредоточиться на цели, я слегка поворачиваю голову к Леандру. И смотрю на его губы. Моя кровь закипает еще сильнее, я чувствую покалывание — странное чувство, которого никогда раньше не испытывала и которое выводит меня из равновесия. Леандр открывает рот, будто хочет что-то сказать, но оттуда не вылетает ни слова. Я почти верю, что он испытывает схожее с моим оцепенение.

С трудом я заставляю свой взгляд оторваться от его губ и смотрю вверх. Он смотрит на меня, слегка прищурив глаза, с таким видом, что покалывание становится невыносимым. Его взгляд непроницаемый, темный, но также... вызывающий. Отнюдь не такой угрожающий, как раньше.

Я вздрагиваю, когда он стучит по моей пятке кончиком стопы.

— Отставь ногу немного назад, — приказывает он, не отрывая от меня взгляд. Я подчиняюсь. Рука, которая до сих пор была на моем локте, медленно скользит ниже, легко, едва заметно касаясь моей талии сквозь намокшую ткань одежды, и ложится на мое бедро. — Перенеси вес на ногу, которая сзади, — бормочет он, сильнее нажимая на мое бедро, чтобы я слегка откинулась назад. — Держи руку вверх. А этой... — он кладет свободную ладонь на мою левую руку и выводит ее слегка вперед, — ты даешь импульс. Поняла?

Я потрясенно киваю, хотя не уверена, что смогу все повторить за ним. Мой взгляд утонул в его и ненадолго переместился к его губам, пока он говорил. При всем желании я не смогу повторить то, что он сказал, не говоря уже о том, чтобы сделать все без его помощи.

Когда без предупреждения на его губах появляется улыбка и возле левого уголка рта возникает ямочка, сердце чуть не выскакивает у меня из груди. Я знала, что он будет выглядеть потрясающе, если только станет чаще улыбаться, но такого я не ожидала. Как замороженная, я смотрю на ямочку и приподнятые уголки его рта.

— Ты должна следить за своей целью, а не за мной.

Я поспешно моргаю.

— Из... Извини.

Мое сердце так сильно колотится о грудную клетку, что почти больно, когда я замороженно наблюдаю, как улыбка Леандра становится еще шире. Только благодаря этому моя боль почти забыта. Святая богиня, он должен все время улыбаться, а не скрываться за той кислой миной. Я бы ела из его рук, просто чтобы видеть, как он улыбается.

— Твоя цель там.

Ах да, дерево! Снова, что я хотела сделать?

— Давина, — хрипит он, и от того, как он произносит мое имя, я вновь чувствую покаяние. — Ты хотела тренироваться. Поскольку я не знал, чем себя занять, то согласился помочь. Я также могу вернуться к своим упражнениям, если ты передумала.

— Нет, — заставляю себя сказать и неохотно отворачиваюсь. — Что мне делать?

Он снова кладет правую руку мне на локоть.

— Ты сильно отклоняешься назад, замахваешься и изо всех сил кидаешь кинжал. Попрактикуемся в прицеливании позже. Для меня будет достаточно, если на сегодня ты усвоишь движения.

На сегодня. Значит ли это, что он снова будет тренироваться со мной?

Я заставляю себя сосредоточиться на главном и фиксирую взгляд на стволе дерева. По моим оценкам, он

находится в добрых десяти метрах. Довольно большая и неподвижная цель. Это должно быть возможно.

Леандр делает шаг в сторону, чтобы я могла лучше замахнуться. Как он мне и объяснил, я перекладываю вес на отведенную назад ногу, откидываюсь и махаюсь левой рукой, вытягивая ее вперед. Торопясь, в нужный момент отпускаю кинжал. Он летит со свистом в направлении дерева.

Но промахивается на несколько метров и падает в мокрую траву.

Позади меня раздается веселое фырканье. Я оборачиваюсь и бросаю на Леандра ядовитый взгляд.

Хотя мне нравится, как он смеется, но не когда смеется надо мной.

— Для первого раза выглядело не так уж плохо, — говорит он, но я не верю ни единому его слову.

Я не попала в цель и, судя по ухмылке, красующейся на его лице, действовала очень глупо. Сжимая зубы, чтобы не накричать на него, я иду, чтобы поднять кинжал.

— Тебе просто нужна практика, — когда я возвращаюсь, Леандр снова кажется спокойным, если не считать насмешливых искорок в его глазах. — Со временем ты научишься оценивать свое окружение и реагировать в зависимости от него. Во время дождя или сильного ветра тебе придется бросать иначе, чем при солнечном свете. Но на сегодня уже стоит остановиться и отдохнуть.

Я возвращаюсь на позицию и снова прицеливаюсь в ствол дерева.

— Ты меня слышала?

— Да, — коротко отвечаю я.

— Тогда почему ты продолжаешь?

Я разворачиваюсь и снова кидаю мимо дерева. Но на этот раз получается лучше. Я беру кинжал и возвращаюсь на место.

— Давина, — предупреждает Леандр.

— Я все равно уже промокла, — отвечаю я, не глядя на него. — Неважно, продолжу ли я сейчас практиковаться или мы будем сидеть под деревом и молчать, как весь день. Когда я тренируюсь, то делаю что-то полезное.

— Прекрасная же ты служанка, — усмехается он. — Отказываешься следовать приказам.

Я оборачиваюсь и наставляю на него острие кинжала. Сам того не зная, Леандр своим заявлением ударил по больному месту.

— Может, мне надоело подчиняться приказам! — рычу я. Слова звучат злее, чем я предполагала, но я не собираюсь извиняться. — Может, я смогу использовать ужасы, на которые мне пришлось смотреть, как шанс.

Он хмурится, явно смущенный. Однако его взгляд направлен на меня, игнорируя кинжал, острие которого я все еще направляю на него.

— Шанс на что?

Я опускаю руку.

— На... собственную жизнь.

На мгновение глаза Леандра округляются, но он быстро берет себя в руки и смотрит на меня, мрачно нахмурив лоб. При всем желании я не могу сказать, что сейчас творится у него в голове. Но я хотела бы знать. Он считает меня сумасшедшей? Наверное, я не должна пытаться переубедить его. Как только мы наконец покончим с этими поисками и найдем принцессу, он оставит меня в ближайшем городе, и я никогда его больше не увижу. И это хорошо! Но я понятия не имею, что мне тогда делать со своей жизнью. Вполне возможно, я единственная выжившая после нападения. Я должна была бы сообщить об этом королевскому двору Фриски. Это было бы правильно.

Но это означает, что мне придется вернуться к своей прежней жизни.

Жизни, полной правил и ограничений и лишенной возможности действовать по собственной воле. Жизни, в которой другие определяют меня, а я должна склоняться перед ними.

Если я не вернусь... Если я притворюсь, что тоже умерла во время нападения... Тогда я могла бы построить собственную жизнь.

Я свободна.

ЛЕАНДР

Я не могу понять эту малышку! Это сводит меня с ума. Обычно я хорошо умею оценивать оппонента. Навык, который мне пришлось натренировать с юных лет, чтобы выжить. Он работает с обычными гражданами, солдатами и даже с королями. Особенно с королями.

Но не с Давиной.

Все в ней противоречиво. Ее движения точны и изящны, что не редкость для служанки принцессы, которая всю свою жизнь провела при королевском дворе. Но иногда ее язык довольно остер. При дворе короля Эсмонда она уже была бы наказана за то, что не лезет за словом в карман. Я не против, но не могу себе представить, чтобы такое поведение ценилось при дворе Фриски. Люди в Ледяном королевстве, как известно, скрытные и сдержанные. Поэтому я более чем удивлен, когда после каждого моего слова с ее стороны следует резкий ответ.

Фрискийцы держатся особняком, поэтому Давина — первая жительница Ледяного королевства, которую я встречаю. Я слышал о них истории и читал предания в книгах. Каждый раз рассказчики с трудом подбирали слова, чтобы описать внешность женщин холодного севера. Я должен был знать это. Но ее вид поразил меня, как внезапное наступление зимы. Даже когда она ехала

по лесу, измученная и разбитая, она казалась красивее и грациознее всех женщин, которых я видел до сих пор.

Ее волосы такие светлые, что кажутся почти белыми. Однако в лунном свете они отливают серебром. Я видел это вчера, когда она думала, что я сплю. Я был бы плохим рыцарем — и, вероятно, не дожил бы до двадцати, — если бы не услышал, как она подошла ко мне. Она накинула на меня плащ — жест, который я до сих пор не понимаю. Любая другая женщина была бы благодарна и не вернула его, даже если бы не чувствовала холода.

Когда она убрала волосы с моего лба, я чуть не открыл глаза. Прикосновение кончиков ее пальцев было одновременно теплым и холодным. Даже для меня это казалось бессмысленным, но так и было. Она лишь мимолетно коснулась меня, так что я не смог понять до конца, не показалось ли мне, но места, до которых она дотронулась, после горели, будто я сидел слишком близко к огню. Может, так и было. Наверняка я сжег больше, чем несколько участков кожи, — мой мозг, например. Иначе я не могу объяснить, почему до сих пор не оставил ее.

Я не мог не бросить на нее быстрый взгляд прошлой ночью после того, как она отошла от меня и посмотрела в ночное небо.

Потерянная.

Вот первое слово, которое возникло у меня в голове, пока я смотрел на нее. Без холодного, гордого образа, который я чувствовал весь день и от которого, казалось, мой язык примерзал к небу, она выглядела потерянной. Как будто все, что она знала, исчезло в один момент. Как будто она осталась совсем одна.

Но это неправда! Наверняка у нее во Фриске есть семья, которая только и ждет, когда она объявится. Которая обрадуется, что их дочь жива и невредима. Семья, в которую она должна вернуться как можно скорее.

Для меня есть только одно такое место. Я живу ради своего короля, который дал мне смысл, когда даже следующий вздох казался лишенным его. Он поднял меня на ноги, когда я больше всего хотел бы свернуться калачиком, чтобы умереть, лежа на холодной земле, и дал мне миссию. С тех пор я читаю в его глазах всякое желание и служу ему с рвением, граничащим с одержимостью, о чем не устают напоминать другие рыцари. Но для меня это единственный способ двигаться дальше. Если остановлюсь и начну колебаться, меня сожрут.

Чтобы снова не утонуть в мыслях, я смотрю на Давину, которая яростно пытается метнуть кинжал так, чтобы кончик застрял в дереве. Каждый раз, когда она не попадает, разочарование и гнев мелькают в ее темно-синих глазах, и я почти испытываю жалость к бедному растению. Я не хочу, чтобы она на меня так смотрела.

— Ты должна вложить больше силы в бросок, — говорю я, когда она возвращается на исходную точку.

Тут же ее пронзительный взгляд устремляется ко мне, и я сухо сглатываю. Я был близок к тому, чтобы отвести глаза.

— У меня больше нет сил, — шипит она, стиснув зубы.

Верно. Со вчерашнего дня у меня было более чем достаточно времени познакомиться с возможностями ее тела, ведь большую часть дня она просидела в седле впереди меня. Все это время у меня в носу сохранялся ее запах, который мне хотелось вдыхать снова и снова, только чтобы почувствовать его. Однако больше всего меня очаровали ее заостренные уши, торчащие сквозь почти белые волосы и будто умоляющие, чтобы я очертил их необычную форму кончиками пальцев.

Клянусь богами, что со мной не так? Я явно был на войне слишком долго, если эта малышка выводит меня из равновесия...

Я качаю головой, чтобы отогнать эту мысль, и сосредотачиваюсь на том, о чем мы говорили. Сила. Да, именно это! Каждый, кто видит эту девушку, понимает, что у нее немного сил. В то время как обычно женщины — особенно незамужние! — скрывают свои формы за широкими платьями и накидками, рубашка и брюки Давины так плотно прилегают к телу, что остается мало места для воображения. Только не тогда, когда она вымокла насквозь, как сейчас, и я могу различить под белой рубашкой мерцание ее кожи и еще кое-что...

Взять ее с собой было ужасной идеей.

Она воплощение неприятностей, не более того! Та, кто задерживает меня, когда нужно спешить. Но как бы трудно ни было это признать, я уже давно так не наслаждался обществом женщины, как с ней. Когда я вообще был в последний раз в компании женщины? Я не могу вспомнить, но мы не будем тратить время на разговоры. Может, поэтому я и не практикуюсь. Месяцы, проведенные среди мужчин, не способствуют улучшению моих манер.

— Нет ли другого способа держать противника на расстоянии? — спрашивает она.

Мне требуется несколько ударов сердца, чтобы вернуться в настоящий момент.

— Ты, конечно, можешь использовать его в качестве оружия ближнего боя, но для этого нужно, чтобы твой противник подошел к тебе очень близко. Если у него есть оружие с большей дальностью, ты неизбежно проиграешь. Так что тебе лучше атаковать издалека.

Она вызывающе поджимает розовые губы — они выделяются на ее безупречно светлом лице, как и синие глаза.

— Самым лучшим, — добавляю я, — было бы, если бы ты больше не попадала в опасные ситуации. Женщины должны оставаться в безопасности дома.